

Roger Griffin, Werner Loh, Andreas Umland, eds.: *Fascism Past and Present, West and East. An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right. With an afterword by Walter Laqueur.* Stuttgart/Hannover: *ibidem*-Verlag 2006. 510 pp. (=Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 35).

Фашизм в прошлом и настоящем, на Западе и на Востоке. Международные дебаты о понятиях и объектах сравнительного изучения правого экстремизма / Под редакцией Роджера Гриффина, Вернера Лоа и Андреаса Умланда. С послесловием Уолтера Лакера. Штуттгарт/Ганновер: Издательство «ибидэм», 2006, 510 с. (=Политика и общество в советском блоке и на постсоветском пространстве. Том 35).

Со времени возникновения итальянского фашизма непосредственно после Первой мировой войны, многие политические публицисты различных мастей, как и представители разных научных дисциплин, пытались классифицировать этот феномен. В результате, количество интерпретаций фашизма как родового понятия, нередко противоречащих друг другу, необозримо.

Эти противоречия и диссонансы вполне объяснимы, ведь фашизм был совершенно новым явлением на политической арене и, в противоположность таким политическим течениям, как консерватизм, либерализм или марксизм, не имел непосредственных предшественников до Первой мировой войны. Хотя фашизм был инспирирован некоторыми политическими мыслителями и группировками довоенного времени, как массовое движение он выкристаллизовался только после «пракатастрофы XX столетия» (Дж. Кеннан). В своей идеологии и стратегии, а также организационных структурах он примыкал как к левым, так и к правым традициям и этим сломал до того времени привычную право-левую схему, что чрезвычайно осложняет определение фашизма до сегодняшних дней. Это привело также к неоднократным ошибочным классификациям, к которым склонны не только противники фашизма, но и его союзники. Такие неверные оценки сущности фашизма не в последнюю очередь обусловили его ошеломляющие политические триумфы, которые, в конце концов, привели к разрушению старого европейского порядка и к Холокосту.

Может ли быть установлена связь между «маршем на Рим» Бенито Муссолини и геноцидом евреев, осуществленным нацистским режимом? Принадлежат ли италофашизм и немецкий национал-социализм одной политической категории? Этот вопрос стоит в центре данного тома, содержащего статьи 31 автора по проблематике фашизма как общего понятия. Статьи были опубликованы ранее в пaderборнском журнале «Erwägen Wissen Ethik» (Размышление – Знание – Этика) в

рамках диспута, который был начат британским исследователем фашизма Роджером Грифффином статьей «Новые лики (и новая безликость) фашизма в постфашистскую эпоху». В этой статье Грифффин остро атакует некоторых немецких авторов, которые рассматривают национал-социализм как исторически абсолютно уникальный феномен, который качественно отличается от всех других форм правого экстремизма. Такая фиксированная на Гитлере точка зрения долго отвлекала немецких исследователей от сравнительного анализа фашизма, считает Грифффин. Он в свою очередь, не сомневается в том, что национал-социализм, невзирая на безумие его биологического расизма и апокалиптические масштабы его преступлений, которые не имели места в фашистской Италии, представляет собой разновидность именно фашизма.

Грифффиновская дефиниция фашизма как идеального типа, которую он впервые изложил в 1991 году в первом издании своей основополагающей книги «Сущность фашизма» (The Nature of Fascism. L.: Pinter), звучит следующим образом: «Фашизм – это политическая идеология, мифологическим ядром которой, в ее различных пермутациях, является палингенетическая форма популистского ультра-национализма». Все эти критерии, с точки зрения Грифффина, можно применить к национал-социализму. Национал-социалистическая расовая идея представляет собой своего рода экстремальную форму национализма и в основу национал-социалистического самосознания положена идея о новом рождении (палингенезисе) Германии, т.е. о немецкой национальной революции.

Кроме «гитлероцентричности» немецких авторов Грифффин критикует также и другие постулаты предыдущих исследований фашизма, как, например, тезис о том, что фашизм – это явление, неразрывно связанное с двумя мировыми войнами, и что поэтому «эпоха фашизма» (Э. Нольте) подошла к концу в 1945 году. Он предостерегает от переоценки перелома 1945 года. Хотя после краха фашистских режимов революционно настроенные правые экстремисты были вынуждены адаптировать свою стратегию и сделать ее более гибкой, они, в то же время, не отказались от своей цели – от нового рождения соответствующей нации с помощью экстремально националистической мифологии. Преобладающая форма правоэкстремистской организации после 1945 года – это уже не политические партии, а маленькие, раздробленные группки, которые осуществляют свою деятельность без общего руководства и общепризнанного центра: «Эти "группушечные правые" имеют скорее характеристики политической и идеологической субкультуры, нежели традиционного политического партийного движения, и идеально приспособлены к выполнению задачи продолжения революционного экстремизма во время относительной политической стабильности» (с. 55).

Нередко «новые правые» покидают политическую сцену в узком смысле и пытаются оказать влияние в первую очередь на «метapolитический» дискурс соответствующего общества с помощью своих собственных понятий. В этом они опираются на теорию итальянского марксиста Антонио Грамши о необходимо-

сти завоевания сначала «культурной гегемонии» в гражданском обществе для позднейшего приобретения политической гегемонии в государстве. «Новые правые» практикуют таким образом своего рода «грамшизм на правый лад» (с. 51).

Эти тезисы Гриффина встречают как одобрение, так и наталкиваются на жесткую критику, причем эта критика в основном направлена на гриффиновскую дефиницию фашизма, которая с точки зрения некоторых авторов является неточной. Так, Клаус Хольц (Виллигст) и Ян Веянд (Эрланген-Нюрнберг) заявляют, что представление о национальном возрождении характерно для каждого национализма, также и «не-фашистского». Такими же категориями мыслили и немецкие консервативные националисты, вроде Генриха фон Трэйчке (с. 125). Бэрбель Мойрер (Оснабрюк) добавляет, что также и некоторые консервативно настроенные круги сопротивления в Третьем Рейхе мечтали о возрождении нации. Если категория «"национального возрождения" [будет объявлена] ядром понятия фашизм, то [это будет означать] уравнивание Гитлера и значительной части сопротивления и размывание границ между преступниками и жертвами» (с. 153).

Также остро критикуется тезис Гриффина о преемственности, т.е. его предостережение от переоценки перелома 1945 года в развитии фашизма. Многие авторы указывают на то, что умелое обращение с массами принадлежало к главным признакам фашизма в межвоенное время. Но, по их словам, доступ к широким слоям населения был закрыт для «новых правых» после 1945 года: «[Они]... должны были объяснить факт Холокоста и бесконечные преступления военных лет, что значительно ограничило их популярность и доступ к массам. С этого времени у них отсутствует харизматическая основа и будоражающая сила веры, которые мог разжечь исторический фашизм» (с. 199) – такого мнения придерживается Свен Райхардт (Констанц). Аналогичную аргументацию приводит Кевин Пассмор (Кардифф): «В послевоенный период нет кризиса либерализма, нет недостатка веры в будущее, как и нет повсеместного экономического кризиса. Фашизм не может стать массовым движением» (с. 171-172). А Карин Пристер (Мюнхен) добавляет: «Что... останется от фашизма, если принцип лидера, милитаризм, империализм, репрессивные диктаторские структуры... будут исключены?» (с. 195)

Все эти возражения, которые ставят под вопрос гриффиновскую модель преемственности, конечно же, небезосновательны. Как и, впрочем, аргументы тех авторов, которые упрекают его в том, что он недооценивает уникальность национал-социализма и бездну, которая отделяет его от италофашизма. И действительно, многомиллионные жертвы нацистского режима представляют собой отдельную главу в истории фашизма. Очевидно, что НСДАП создала фашистскую партию «нового типа», которая коренным образом отличается от своего итальянского предшественника. Но при всех этих отличиях несомненны и сходства, которые объединяли эти два явления. Не в последнюю очередь именно поэтому между ними существовала судьбоносная связь, вплоть до горького конца (хотя и с изме-

нением в распределении ролей, в том смысле, что Муссолини превратился из приемного отца Гитлера в его марионетку). В этом отношении можно вполне согласиться с тезисом Гриффина о том, что национал-социализм представляет собой разновидность фашизма.

А как же обстоят дела с «новыми правыми» после 1945 года? Что связывает их с фашизмами межвоенного времени? На первый взгляд – почти что ничего, кроме идеологии. «Только» в отношении идеологии можно четко проследить преемственность. Но это не мало, поскольку своеобразие фашизма обусловлено в первую очередь идеологически. Он олицетворяет протест против Просвещения, политического плюрализма, различных процессов эмансипации (женщин, меньшинств и т.д.) и идеи прав человека. Более того, фашистские, или же правоэкстремистские группировки тяготеют к эзотерическим теориям заговоров и фантазиям о спасении и очищении; они мечтают о «последнем бое» против демонизированного ими врага, который якобы господствует над миром, а именно – масонов, евреев, «плутократов», США и т.д. Эти идеологические сходства объединяют «новых правых» на Западе, как и «неоевразийцев» во главе с Александром Дугиным с фашизмами 1919-1945 гг. (о Дугине см. отдельную полемику между Андреасом Умландом и Джеймсом Грегором в конце этого тома). Далеко идущие идеологические общности между этими различными явлениями поразительны, если вспомнить, что, в противоположность к внутренне раздробленному коммунистическому движению (сталинисты, троцкисты, маоисты, антисталинистские «ревизионисты» и т.д.), фашисты не располагают такими неприкосновенными идеологическими авторитетами, как Маркс, Энгельс и Ленин. Тем не менее, именно идеология представляет собой ту объединяющую связь между разными правыми экстремизмами, которая является надэпохальной, не признает национальных границ и позволяет их всех называть «фашистскими». Вопреки мнению многих критиков Гриффина, это обстоятельство придает высокую познавательную ценность гриффиновскому определению фашизма, которое концентрируется в первую очередь на идеологических признаках.

Леонид Люкс
(Перевод с немецкого: Елена Сивуда)